

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пахомов В.Н. Проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности // Юридические исследования. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.3.72635 EDN: YLDXBN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72635

Проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности

Пахомов Валерий Николаевич

аспирант; кафедра Гражданско-правовых дисциплин; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

167005, Россия, республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Тентюковская, 83, кв. 45

✉ valeriy-pakhomov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.3.72635

EDN:

YLDXBN

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Аннотация: Предметом исследования выступают основные теоретические подходы к пониманию природы и функциональной роли смарт-контрактов, разработанные в российской цивилистической доктрине. Объектом исследования являются общественные отношения в сфере использования смарт-контрактов как средства регулирования оборота объектов авторского права. Автором поднимается актуальная проблема использования смарт-контрактов в сфере защиты объектов авторского права. Актуальность поставленного вопроса обусловлена широким распространением технологических новаций в области оборота результатов интеллектуальной деятельности, что требует от государства разработки новых решений в сфере правовой политики. Использование смарт-контрактов выступает перспективным технологическим решением, которое способно обеспечить эффективность защиты интересов субъектов авторского права. Особое внимание уделяется отдельным аспектам действия смарт-контрактов (их изменение, расторжение) в рамках оборота прав на объекты авторского права. Методология исследования предполагает использование метода интерпретации

правовых идей и формально-юридического (догматического) метода, на основании которых в статье предпринята попытка выявления функционального значения смарт-контрактов как технологического и правового феномена в сфере оборота объектов авторского права. Использование смарт-контрактов представляет собой инновационный подход, который способствует совершенствованию документооборота в авторском праве России. Основными выводами автора является констатация ограниченного характера применения смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности. Авторский вклад в раскрытия темы исследования определяется выявлением отличий смарт-контрактов от классических средств регулирования договорных отношений. На основании проведенного исследования автором предложены пути совершенствования законотворческой политики государства, связанные с отсутствием упорядоченной системы норм гражданского законодательства, регулирующих отношения в сфере применения смарт-контрактов как инструментов обеспечения регистрации объектов авторского права и исполнения частноправовых обязательств. Автором обосновывается необходимость развития положений гражданского законодательства в части, касающейся расширения юридических конструкций, способных обеспечивать исполнение достигнутых соглашений между сторонами частноправового отношения.

Ключевые слова:

смарт-контракт, результаты интеллектуальной деятельности, гражданский оборот, виртуальное пространство, правовая политика, блокчейн, сделка, цифровая среда, цифровизация, защита авторских прав

Правовая политика российского государства в сфере защиты авторских прав должна опираться на достоверные представления об актуальных тенденциях развития общественных отношений в сфере оборота результатов интеллектуальной деятельности. При разработке и реализации правовых управленческих решений во внимание должны приниматься различные факторы, воздействующие на характер и формы действий частноправовых субъектов, в том числе условия и обстоятельства технологической трансформации современного общества. Справедливо будет отметить, что для сферы оборота объектов авторского права первостепенное значение сегодня приобретает процесс цифровизации (диджитализации) творческой деятельности человека [\[1, с. 101\]](#).

Цифровизацию следует рассматривать как один из ведущих факторов трансформации юридического механизма защиты авторских прав. Она подразумевает непрерывное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, включая творческую деятельность и оборот объектов интеллектуальной собственности. Природа цифровизации заключается в переходе от традиционных форм взаимодействия к более эффективным и гибким цифровым решениям. Диджитализация меняет облик и саму природу творческой деятельности. Благодаря оцифровке творческих произведений возникает возможность их массового распространения в виртуальном пространстве. Это ставит перед государством новые задачи по разработке эффективных механизмов защиты авторских прав в условиях новой технологической реальности. Появление новых технологий, таких как блокчейн и технологии машинного обучения, требуют пересмотра действующих правовых норм механизма авторско-правовой защиты [\[2, с. 53\]](#).

Среди многочисленных технологических новаций последних лет, распространение

которых обуславливает новые решения в сфере правовой политики по защите авторских прав, стоит отдельно выделить феномен смарт-контрактов как особого типа компьютерных алгоритмов. Смарт-контракт представляет собой компьютерную программу, которая автоматически исполняет и регулирует условия соглашения между сторонами на основе заранее заданных правил.

Вопросы, связанные с применением смарт-контрактов в гражданском обороте, в последнее время стали привлекать внимание российских цивилистов, благодаря чему в литературе появились исследования, в которых предприняты попытки догматического анализа этого явления. Наиболее обстоятельным образом это сделали в своих трудах А.А. Волос, А.И. Савельев, Л.В. Санникова и Ю.С.Харитонов, Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова, Е.В. Зайнутдинова.

Вместе с тем, проблематика правового обеспечения использования смарт-контрактов все еще нуждается в дополнительных научных изысканиях, которые позволят очертить рамки основных доктринальных подходов к пониманию природы этого явления и обозначить магистральные направления развития правовой политики государства в рассматриваемой области.

Американский юрист и криптограф Ник Сабо стал одним из пионеров концепции смарт-контрактов. Именно ему принадлежит идея о возможности процесса заключения договора в сети между двумя незнакомыми друг с другом лицами, в основе которого лежит самоисполняемый код [\[3, с. 22\]](#). В своих работах он описывал, как можно использовать технологию блокчейн для автоматизации различных процессов и разработки новых форм юридических соглашений. Сабо предложил термины «смарт-контракт» и «цифровая валюта», что оказало значительное влияние на развитие криптографических технологий [\[4, с. 22\]](#).

Смарт-контракт действует на базе технологии блокчейн, которая, как известно, носит децентрализованный характер. Благодаря этому, смарт-контракты исключают необходимость в доверенных третьих лицах, что снижает риски невыполнения гражданско-правовых обязательств в сфере оборота объектов авторского права. Благодаря децентрализованной природе блокчейна, информация о состоянии смарт-контракта доступна всем участникам, что минимизирует риск манипуляций.

Автоматизм исполнения договорных обязательств, используемый в смарт-контрактах, предполагает, что при соблюдении условий, заложенных в коде, достигнутые соглашения между участниками гражданского оборота исполняются автоматически, что минимизирует временные затраты и ошибки, связанные с их добровольным выполнением. Исполнение смарт-контрактов происходит без непосредственного вмешательства человека. Смарт-контракты представляют собой новацию в механизме частноправового регулирования, хотя на законодательном уровне правовое обеспечение их использования носит крайне фрагментарный характер. В целом ряде подзаконных актов (как правило, стратегического характера) смарт-контракты упоминаются как действенные инструменты децентрализованного управления в той или иной области, однако гражданское законодательство до сих пор не содержит развернутой системы норм, которые бы регулирования общественные отношения в области использования смарт-контрактов [\[5, с. 69\]](#).

Частноправовые новеллы последних лет демонстрируют, что законодатель не склонен рассматривать смарт-контракт в качестве самостоятельной договорной конструкции или в более широком смысле – разновидности частноправового договора. На подзаконном

уровне смарт-контракты также рассматриваются преимущественно как технологическое решение в области обеспечения исполнения обязательств сторон гражданско-правового договора. Нет устоявшихся подходов к определению правового статуса смарт-контрактов и в правоприменительной практике – суды крайне редко принимают во внимание использование этой технологии и не привлекают операторов соответствующих платформ в качестве третьих лиц при разрешении гражданских дел.

Формализация отношений в области использования смарт-контрактов сегодня реализована преимущественно на подзаконном уровне, поскольку в ряде актов стратегического планирования зафиксировано понятие и определенные целевые показатели распространения масштабов использования смарт-контрактов как параметров технологического и инфраструктурного развития российского государства. В то же самое время на уровне отдельных норм гражданского законодательства следует констатировать отсутствие формализованных правил применения этой технологии.

Опосредованным образом смарт-контракты были имплементированы в систему российского законодательства благодаря разработке законодательных актов в области регулирования цифровых прав личности. Смарт-контракты, как один из наиболее ярких примеров применения блокчейн-технологий, представляют собой программы, выполняющиеся автоматически при выполнении заранее определенных условий соглашения между участниками гражданского оборота. Автоматическое исполнение условий, заложенных в смарт-контракте, минимизирует риск человеческой ошибки и гарантирует соблюдение договорных обязательств.

В юридической доктрине по этому вопросу наблюдается определенное разномыслие. А.И. Москаленко предлагает рассматривать смарт-контракт как договор в электронной форме [\[6, с. 19\]](#), в то время как Е.Ю. Матвеева констатирует, что он не является специальной договорной конструкцией [\[7, с. 102\]](#).

Таким образом, в доктрине наблюдается конкуренция двух правовых идей – смарт-контракт как технология обеспечения исполнения частноправовых обязательств и смарт-контракт как самостоятельная разновидность частноправового соглашения (договора). Первая правовая идея не требует существенного преобразования системы договорных конструкций, предусмотренных гражданским законодательством. Однако, если признать правоту такой интерпретации смарт-контракта, то нормы обязательственного права должны быть расширены за счет правил технологического обеспечения исполнения обязательств по основному соглашению. Если же признать верность второй правовой идеи, то законодателю следует пересмотреть принятые нормы о формах договора, допустив, что соглашение может быть оформлено в электронной форме смарт-контракта.

Следуя формально-логическому анализу понятия смарт-контракта, следует сделать вывод, что явление представляет собой разновидность контракта как формы соглашения в частном праве. Практика использования понятия «контракт» в гражданском праве неоднозначна. С одной стороны, гражданское законодательство оперирует преимущественно понятием договора, с другой стороны, понятие «контракт» применяется по отношению к договорам в сфере государственного (муниципального) заказа. Договор в гражданском праве представляет собой соглашение двух или нескольких сторон, в котором устанавливаются взаимные права и обязанности. Следует отметить, что термин «контракт» часто используется как синоним договора.

Контракт, в свою очередь, является одним из видов договора, который подразумевает специфический набор правил и норм, регулирующих обязательства сторон. Контракт не

просто является синонимом договора, но представляет собой отдельную категорию, которая обладает своей правовой природой и характерными чертами, задающими рамки для исполнения обязательств между сторонами.

Основная функция смарт-контракт заключается в автоматизации и упрощении исполнения обязательств, что делает его технологическим средством сопровождения процесса исполнения обязательства. Однако следует подчеркнуть, что смарт-контракт не сводится лишь к простому алгоритму. Смарт-контракт включает в себя условия исполнения соглашения сторон, которые зафиксированы в его программном коде. В отличие от обычного договора в гражданском праве, где исполнение может зависеть от воли стороны соглашения, смарт-контракт функционирует автоматически, следуя заранее установленным алгоритмам.

Природа смарт-контрактов в первую очередь указывает на их технологическую функцию в процессе исполнения частноправовых обязательств. Децентрализованные платформы, на базе которых функционируют смарт-контракты, обеспечивают высокую степень защиты данных и надежности транзакций, а в сочетании с технологиями блокчейн, смарт-контракты становятся важным инструментом для создания безопасных и эффективных экосистем, обеспечивая соблюдение прав и обязанностей сторон без необходимости в централизованном контроле. Смарт-контракты автоматически исполняются при выполнении заранее определённых условий, что минимизирует необходимость в посредниках и снижает вероятность манипуляций с авторскими правами [\[8, с. 256\]](#).

Таким образом, первой проблемой использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности является отсутствие удовлетворительного правового обеспечения этого процесса в гражданском законодательстве. Система гражданского права не позволяет выделить обособленную группу правовых норм, регулирующих отношения в сфере использования смарт-контрактов, в качестве отдельного частноправового института.

Еще одной проблемой применения смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности является невозможность его расторжения. Расторжение договора в гражданском праве является ведущим средством, которое обеспечивает гибкость поведения сторон гражданско-правового отношения. При расторжении договорных обязательств стороны возвращаются в исходное положение, упраздняя юридические последствия заключенного ранее соглашения. Такое расторжение может быть осуществлено по взаимному согласию сторон, в случаях нарушения условий договора одной из них или в иных предусмотренных законом случаях [\[9, с. 241\]](#).

В структуре механизма частноправового регулирования возможность расторжения договора также служит проявлением свободы воли участников гражданского оборота. Стороны договариваются о своих обязательствах, исходя из собственных интересов. При этом они имеют право в любой момент подвести итоги своих отношений и принять решение о расторжении соглашения. Это обстоятельство формирует такое качество обязательства в частноправовом отношении как его обратимость.

Обратимость исполнения обязательств по договору предполагает, что каждая сторона вправе в определенных правовых ситуациях отказаться от ранее достигнутого соглашения и прекратить исполнение этого обязательства. Однако обратимость частноправового обязательства в рамках действия смарт-контракта сталкивается с рядом серьезных проблем. Между тем любое технологическое новшество не должно «вступать в

противоречие с принципами гражданского права, а также концептуальными основами институтов частного права, прежде всего с общими положениями договорного права» [\[10, с. 256\]](#).

Проблема прекращения исполнения смарт-контракта возникает из-за особенностей его автоматического выполнения. Смарт-контракты, функционирующие на основе блокчейн-технологий, обеспечивают возможность автоматического исполнения условий без участия сторон. Однако такая система не всегда учитывает необходимость расторжения договора в случае изменения обстоятельств. Принятие условий смарт-контракта предполагает их самоисполнимость, что в доктрине гражданского права рассматривается как принципиальная невозможность расторжения частноправового соглашения.

Автоматизм исполнения условий смарт-контракта предполагает, что условия, заложенные в его программный код, исполняются строго в соответствии с прописанными алгоритмами. Исполнение обязательств сторон происходит независимо от их желания [\[11, с. 6\]](#).

В результате необратимость исполнения обязательств в рамках действия смарт-контракта создает противоречие между этим технологическим решением и классическими подходами к конструкции гражданско-правового договора, сложившимися в цивилистической доктрине. В гражданском праве предусмотрены механизмы для расторжения договора, однако смарт-контракты, будучи основанными на технологии блокчейн, не обладают такой гибкостью. Это может привести к юридическим конфликтам, когда одна сторона не может прекратить свои обязательства, нарушая тем самым принцип защиты прав участников гражданских правоотношений. Таким образом, расторжение смарт-контракта может оказаться сложной задачей, требующей дополнительных средств правового регулирования.

В процессе исполнения программного кода смарт-контракта условия соглашения невозможно изменить в одностороннем порядке (при согласии сторон договора), это означает, что стороны не могут расторгнуть или изменить контрактные обязательства. Сделать это можно только в том случае, если такая опция предусмотрена изначальными условиями, закодированными в смарт-контракте. Сделко-ориентированная модель правового регулирования позволяет применить к смарт-контракту условия недействительности сделок, изменить или расторгнуть смарт-контракт, заключенный в блокчейне, «применить соответствующие меры защиты и ответственности к стороне смарт-контракта и, кроме того, определить право, применимое к смарт-контракту, и юрисдикционный орган, который будет рассматривать спор из смарт-контракта» [\[12, с. 144\]](#).

Как уже было рассмотрено ранее, неизменяемость смарт-контракта является значимым атрибутом этой технологии, поскольку каждая транзакция и каждое условие, введенное в блокчейн, фиксируются и остаются неизменными навсегда. Это исключает возможность произвольного вмешательства или расторжения контракта. Однако это может привести к сложным ситуациям, если стороны решат изменить условия соглашения после его исполнения [\[13, с. 24\]](#).

Автоматизм смарт-контракта представляет собой значительную угрозу для интересов сторон авторско-правового отношения. Самоисполнимость смарт-контракта создает дополнительную угрозу для интересов третьих лиц, которые могут быть затронуты условиями контракта, но не являются его прямыми участниками. Например, в сфере

оборота объектов авторского права существует риск, что стороны могут заключить смарт-контракт, который создает ограничения на использование произведений, не учитывая законные права третьих лиц. Кроме того, смарт-контракт в своей основе исключает любые гарантии для третьих лиц, что может обеспечить правовую неопределенность и потенциальное нарушение законных прав этих сторон. Отсутствие возможности вмешательства в контракт для внесения изменений или расторжения создает серьезные преграды для защиты интересов третьих лиц [\[14, с. 33\]](#).

Гражданскому законодательству известно несколько оснований для расторжения обязательств между участниками гражданского оборота, однако не все из них действительны для сферы применения смарт-контрактов. Так, неисполнение обязательств является одним из оснований для расторжения договора. Технологическая природа смарт-контрактов фактически исключает возможность произвольного невыполнения обязательств.

Однако внесение изменений в уже достигнутое соглашение или его прекращение представляется весьма затруднительным. Во-первых, внесение изменений в программный код смарт-контракта невозможно без прямого вмешательства разработчика. Стороны соглашения лишены реальной возможности действовать самостоятельно, им необходимо прибегать к помощи сторонних лиц, так как «самостоятельно внести изменения или расторгнуть смарт-контракт без связи с разработчиками не представляется возможным, поскольку это противоречит его природе как неизменного, строго определенного, самоисполняемого программного кода» [\[15, с. 91\]](#).

Еще одной проблемой является прекращение действия смарт-контракта в случае существенного изменения обязательства или существенное нарушение самого договора. Эти критерии являются оценочными категориями. Для действия смарт-контрактов они являются проблематичными, поскольку автоматизированные системы не способны учитывать все нюансы применения оценочных понятий.

Алгоритмизация оценочных понятий в программном коде смарт-контракта весьма ограничена. Оценочные категории зачастую зависят от ситуации и могут требовать анализа контекста, что невозможно в пределах строгих инструкций кода. В результате алгоритмы смарт-контрактов не могут распознать изменяющиеся условия частноправового соглашения. На практике адекватная оценка масштабов изменения природы обязательства дается в рамках правоприменительного усмотрения.

Невозможность прекращения действия смарт-контрактов по подобным основаниям, связанным с использованием оценочных категорий, указывает на определенные ограничения для их применения в сфере оборота объектов авторского права. В ходе исполнения таких контрактов могут возникать ситуации, требующие дискреции правоприменителя, которые смарт-контракты не способны учесть. Это ограничивает не только возможности сторон в разрешении споров, связанных с прекращением обязательств.

Неизменность и самоисполнимость смарт-контрактов как технологические атрибуты этих явлений следует рассматривать как ограничения для действия принципа свободы договора в гражданском праве. Данный инструмент основывается на программных алгоритмах, которые, однажды заложенные в код, не подлежат изменению или расторжению без участия его разработчика. В случае возникновения обстоятельств, не предусмотренных условиями смарт-контракта, стороны не могут приостановить

исполнение обязательства [\[16, с. 66\]](#).

Применение смарт-контрактов в цифровой среде имеет ограниченный характер. Эти контракты лучше всего функционируют в рамках закрытых экосистем. Однако в более сложных и динамичных правовых отношениях, таких как те, что возникают в сфере авторского права, автоматизм смарт-контрактов может оказаться проблемой для участников гражданского оборота. Неспособность смарт-контрактов учитывать изменения обстоятельств или нарушения прав сторон затрудняет их применение в условиях реализации частнособственнических интересов субъектов гражданского права [\[17, с. 5\]](#).

Наконец, неполнота правовой эффективности смарт-контрактов в сфере оборота объектов авторского права указывает на необходимость их интеграции с классическими средствами частноправового воздействия. Смарт-контракты, хоть и предлагают автоматизацию и прозрачность, не могут полностью заменить традиционные юридические механизмы. Поэтому необходимо разрабатывать гибридные модели, которые сочетали бы преимущества цифровых технологий и традиционных инструментов гражданско-правового воздействия.

Существуют ситуации, когда необходимо радикально изменить условия существующего смарт-контракта. Наиболее кардинальным способом является полное прекращение договора, за которым следует внесение изменений в программный код. Такой подход позволяет адаптировать смарт-контракт к новым условиям. На этапе разработки смарт-контракта важно предусмотреть возможные обстоятельства, при наступлении которых потребуются внести изменения или даже расторгнуть контракт. Это может быть вызвано различными факторами, такими как изменение законодательных норм, динамика рынка или возникновение непредвиденных обстоятельств. Включение таких условий в первоначальный код обеспечивает гибкость и стабильность контракта.

Потенциал использования смарт-контрактов при защите объектов авторского права может быть раскрыт за счет формирования регистрационной системы (реестра), в рамках которой будет производиться добровольная регистрация этих объектов.

Децентрализованные платформы смарт-контрактов выступают надежным средством для регистрации объектов авторского права. Используя технологию блокчейн, такие платформы обеспечивают неизменность данных о произведениях, что делает невозможным несанкционированное изменение информации. Это весьма значимо для авторов, которые хотят защитить свои произведения от плагиата. Регистрация объектов авторского права на таких платформах может вступать в качестве юридического факта, подтверждающего обстоятельства создания творческих произведений, поскольку «данные в реестре постоянно сохраняются в виде блоков информации, записываемых в общую цепочку при достижении определенного количественного лимита данных» [\[18, с. 144\]](#).

Распределенная база данных, лежащая в основе технологии блокчейн, представляет собой инновационное решение для обеспечения надежной и безопасной системы регистрации авторских прав. В отличие от традиционных методов, которые могут быть подвержены подделкам и манипуляциям, блокчейн обеспечивает прозрачность транзакций, поэтому использование смарт-контрактов позволяет автоматизировать процесс передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Сущность блокчейна, как известно, заключается в создании децентрализованной и защищенной базы данных, где информация сохраняется в виде цепочки блоков,

связанных друг с другом. Гарантия неизменности информации является одним из ключевых преимуществ блокчейна, поскольку каждая запись защищена криптографическими методами и не подлежит изменению без автоматического изменения связанных цепочек данных. Это делает технологию смарт-контрактов и блокчейна в целом идеальным решением для авторов творческих произведений, поскольку фиксация данных о создании результата интеллектуальной деятельности выступает надежным механизмом для обоснования последующих правопритязаний. Проблему можно решить «путем создания на базе организации не публичного, а частного блокчейна, доступ к которому будет лишь у уполномоченных лиц» [\[19, с. 94\]](#).

Рассматривая значение технологических решений, базирующихся на блокчейне, для сферы авторского права, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что смарт-контракты могут выступать элементом более объемной технологической конструкции – смарт-лицензии.

Этот инструмент представляет собой инновационную модель, основанную на использовании технологии блокчейн, которая позволяет автоматизировать процесс лицензирования цифровых произведений. В отличие от традиционных лицензий, которые требуют значительных затрат времени и ресурсов для управления, смарт-лицензия обеспечивает более прозрачный способ квалификации прав и обязанностей сторон частноправового отношения. Элементом смарт-лицензии является смарт-контракт, который в качестве программируемого кода может содержать условия, касающиеся использования цифрового контента, включая права на воспроизведение, распространение и модификацию объектов авторского права.

Здесь необходимо отметить, что «зона действия» смарт-лицензий сегодня покрывает преимущественно сферу оборота цифровых объектов авторского права – то есть творческих произведений, которые были либо изначально созданы в цифровой форме, либо были оцифрованы впоследствии (как правило, с уничтожением материального носителя). Передача прав на цифровые произведения посредством предоставления смарт-лицензии является наиболее распространенной практикой в виртуальном пространстве, когда речь заходит об обороте цифровых произведений. Использование смарт-контрактов в рамках смарт-лицензий обеспечивает быстрое и безопасное осуществление транзакций. Однако, есть все основания полагать, что действие смарт-лицензий может быть распространено и на традиционные объекты авторского права, если стороны частноправового соглашения желают зафиксировать в цифровой форме условия перехода прав на результат интеллектуальной деятельности. Они могут быть использованы для регистрации собственности, поскольку использование смарт-контракты быстро и экономично, что делает их лучшей альтернативой прежним системам [\[20, с. 134\]](#).

С юридической точки зрения, смарт-контракт также может выступать в качестве юридического факта, порождающего определенные авторско-правовые последствия. Обеспечивая автоматизированную обработку данных о владельцах прав и условиях использования произведений, такой контракт формирует четкую основу для согласованных действий, на которую могут опираться авторы и правообладатели. С помощью смарт-контрактов автор может сохранять контроль над своим произведением.

Гибкость авторско-правового режима охраны результатов интеллектуальной деятельности, обеспечиваемая смарт-контрактами, позволяет авторам использовать возможности для адаптации условий использования своих произведений для разных категорий пользователей и юридических ситуаций. При этом отсутствует необходимость регистрации объектов авторского права в традиционном понимании, что упрощает

процесс защиты прав и снижает административные барьеры.

Таким образом, смарт-контракты, встроенные в распределенную базу данных технологии блокчейн, обеспечивают автоматическое выполнение условий сделки между сторонами без необходимости обращения к посредникам. Это снижает общие риски для участников гражданского оборота, в том числе при переходе прав на объекты авторского права. При помощи смарт-контрактов возможно также создавать различные лицензии на использование произведений, что делает процесс передачи прав более гибким и доступным для творческих людей. В результате система факультативной регистрации авторских прав будет трансформирована из устаревшей и ненадежной модели в современное решение, которое соответствует требованиям цифровой эпохи. Цель такого реестра - «расширить возможность использования произведения в бесконечной цепочке лиц, с соблюдением прав авторов и правообладателей» [\[21, с. 471\]](#).

Перед российским законодателем сегодня стоит ряд проблем законотворческой политики, разрешение которых стимулирует частноправовую активность в сфере использования таких технологических решений, как смарт-контракты и смарт-лицензии. Прежде всего, в российском законодательстве необходимо определить правовой статус смарт-контрактов, которые можно рассматривать в качестве обособленной разновидности (подвида) договора, заключаемого в электронной форме. Это позволит сформироваться в рамках правоприменительной практики открытых подходов к признанию смарт-контрактов в качестве легитимных юридических конструкций, способных обеспечивать исполнение достигнутых соглашений между сторонами частноправового отношения. Также законодателю следует рассмотреть возможности законотворческого обеспечения использования смарт-контрактов и смарт-лицензий в качестве факультативных механизмов регистрации или удостоверения обстоятельств, связанных с созданием объектов авторского права.

Библиография

1. Гринь Е.С. Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 99-105.
2. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8 (129). С. 52-62.
3. Чижов А.И. Смарт-контракты и смарт-лицензии: правовые границы использования NFT-токенов // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 21-25.
4. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21-28.
5. Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 66-82.
6. Москаленко А.И. Смарт-контракты как «умные» информационные активы в системе интеллектуальной собственности // Международное публичное и частное право. 2021. № 3. С. 17-21.
7. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 97-104.
8. Волос А.А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 64. С. 254-273.
9. Шалабаев Б.С., Камышанский В.П. Изменение и расторжение смарт-контракта: проблемы теории и практики // Образование и право. 2024. № 4. С. 238-244.

10. Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5-7.
11. Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126-147.
12. Камалян В.М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // Юрист. 2019. № 4. С. 20-27.
13. Панфилова Е.Е. Цифровая трансформация бизнеса: тренды и модели // Московский экономический журнал. 2019. № 11. С. 33-35.
14. Шатковская Т.В., Евстафьева А.А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85-94.
15. Янковский Р.М. Проблематика правового регулирования децентрализованных систем на примере блокчейна и смарт-контрактов // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 2 (112). С. 64-68.
16. Рузакова О.А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 2-7.
17. Маркичева И.А. К вопросу о применении технологии блокчейн и смарт-контрактов в сфере защиты авторских прав // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 5. С. 144-148.
18. Чурилов А.Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3 (160). С. 89-99.
19. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118-148.
20. Федотова С. Концепция смарт-контрактов в авторском праве России // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 10. С. 41-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Правовая политика российского государства в сфере защиты авторских прав должна опираться на достоверные представления об актуальных тенденциях развития общественных отношений в сфере оборота результатов интеллектуальной деятельности. При разработке и реализации правовых управленческих решений во внимание должны приниматься различные факторы, воздействующие на характер и формы действий частноправовых субъектов, в том числе условия и обстоятельства технологической трансформации современного общества. Справедливо будет отметить, что для сферы оборота объектов авторского права первостепенное значение сегодня приобретает процесс цифровизации (диджитализации) творческой деятельности человека [1, с. 101]. Цифровизацию следует рассматривать как один из ведущих факторов трансформации юридического механизма

защиты авторских прав. Она подразумевает непрерывное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, включая творческую деятельность и оборот объектов интеллектуальной собственности. Природа цифровизации заключается в переходе от традиционных форм взаимодействия к более эффективным и гибким цифровым решениям. Диджитализация меняет облик и саму природу творческой деятельности. Благодаря оцифровке творческих произведений возникает возможность их массового распространения в виртуальном пространстве. Это ставит перед государством новые задачи по разработке эффективных механизмов защиты авторских прав в условиях новой технологической реальности. Появление новых технологий, таких как блокчейн и технологии машинного обучения, требуют пересмотра действующих правовых норм механизма авторско-правовой защиты [2, с. 53]. Среди многочисленных технологических новаций последних лет, распространение которых обуславливает новые решения в сфере правовой политики по защите авторских прав, стоит отдельно выделить феномен смарт-контрактов как особого типа компьютерных алгоритмов". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Частноправовые новеллы последних лет демонстрируют, что законодатель не склонен рассматривать смарт-контракт в качестве самостоятельной договорной конструкции или в более широком смысле – разновидности частногоправового договора. На подзаконном уровне смарт-контракты также рассматриваются преимущественно как технологическое решение в области обеспечения исполнения обязательств сторон гражданско-правового договора. Нет устоявшихся подходов к определению правового статуса смарт-контрактов и в правоприменительной практике – суды крайне редко принимают во внимание использование этой технологии и не привлекают операторов соответствующих платформ в качестве третьих лиц при разрешении гражданских дел"; "Таким образом, первой проблемой использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности является отсутствие удовлетворительного правового обеспечения этого процесса в гражданском законодательстве. Система гражданского права не позволяет выделить обособленную группу правовых норм, регулирующих отношения в сфере использования смарт-контрактов, в качестве отдельного частногоправового института. Еще одной проблемой применения смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности является невозможность его расторжения"; "В результате необратимость исполнения обязательств в рамках действия смарт-контракта создает противоречие между этим технологическим решением и классическими подходами к конструкции гражданско-правового договора, сложившимися в цивилистической доктрине. В гражданском праве предусмотрены механизмы для расторжения договора, однако смарт-контракты, будучи основанными на технологии блокчейн, не обладают такой гибкостью. Это может привести к юридическим конфликтам, когда одна сторона не может прекратить свои обязательства, нарушая тем самым принцип защиты прав участников гражданских правоотношений. Таким образом, расторжение смарт-контракта может оказаться сложной задачей, требующей дополнительных средств правового регулирования"; "Наконец, неполнота правовой эффективности смарт-контрактов в сфере оборота объектов авторского права указывает на необходимость их интеграции с классическими средствами частногоправового воздействия. Смарт-контракты, хоть и предлагают автоматизацию и прозрачность, не могут полностью заменить традиционные юридические механизмы. Поэтому необходимо разрабатывать гибридные модели, которые сочетали бы преимущества цифровых технологий и традиционных инструментов

гражданско-правового воздействия" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Именно ему принадлежит идея того, что процесс заключения договора в сети между двумя незнакомыми друг с другом лицами, в основе которого лежит самоисполняемый код [3, с. 22]" - предложение не согласовано.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 20 источниками (научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е.Ю. Матвеева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, смарт-контракты, встроенные в распределенную базу данных технологии блокчейн, обеспечивают автоматическое выполнение условий сделки между сторонами без необходимости обращения к посредникам. Это снижает общие риски для участников гражданского оборота, в том числе при переходе прав на объекты авторского права. При помощи смарт-контрактов возможно также создавать различные лицензии на использование произведений, что делает процесс передачи прав более гибким и доступным для творческих людей. В результате система факультативной регистрации авторских прав будет трансформирована из устаревшей и ненадежной модели в современное решение, которое соответствует требованиям цифровой эпохи. Цель такого реестра - «расширить возможность использования произведения в бесконечной цепочке лиц, с соблюдением прав авторов и правообладателей» [21, с. 47].

Перед российским законодателем сегодня стоит ряд проблем законотворческой политики, разрешение которых стимулирует частноправовую активность в сфере использования таких технологических решений, как смарт-контракты и смарт-лицензии. Прежде всего, в российском законодательстве необходимо определить правовой статус смарт-контрактов, которые можно рассматривать в качестве обособленной разновидности (подвида) договора, заключаемого в электронной форме. Это позволит сформироваться в рамках правоприменительной практики открытых подходов к признанию смарт-контрактов в качестве легитимных юридических конструкций, способных обеспечивать исполнение достигнутых соглашений между сторонами частноправового отношения. Также законодателю следует рассмотреть возможности законотворческого обеспечения использования смарт-контрактов и смарт-лицензий в качестве факультативных механизмов регистрации или удостоверения обстоятельств, связанных с созданием объектов авторского права"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, авторского права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.